

ИГОРЬ КИРИЛЛОВ.

*Семь дней. - 1991. - 4-10 ноябр. (№4)
- С. 19*

РАССТАВАНИЕ С МУНДИРОМ

должается. Попав в «Вид», я вдруг увидел над собой клочок чистого неба. Я так давно не ощущал Свободы, что и забыл про нее. Признаюсь, она меня сначала испугала. Сработал инстинкт самосохранения, ведь именно он владел мной многие годы. Да и могло ли быть иначе, со мной, солдатом, когда-то «мобилизованным и призванным»? Все эти годы я словно не расставался с мундиром. И постепенно во мне утвердилось сознание, что я просто исполняю свой долг. Теперь же полагаю, что стал жертвой...

— Как начиналась ваша эпопея?

— Было это в период «оттепели». Я оставил Театр на Таганке, чтобы попробовать себя в режиссуре. Пришел на телевидение учиться делать художественные программы. А тут вдруг у руководства возникла идея образовывать на ЦТ группу дикторов — прежде их приглашали с радио. Парнем я был видным — это и счастье мое и беда! Ваглад режиссера остановился на мне. Участвовал в конкурсе и победил. Вышел в эфир в тот же вечер.

Сначала все шло гладко — работа нравилась. Вел разные передачи — о театре, кино, музыке. И был я, конечно,

доволен собой. Сомнения пришли, лишь когда начались смутные времена. С экрана мне пришлось публично изобличать людей, достоинства которых в душе я завидовал, а некоторые, как, скажем, А. Д. Сахаров, вызывали мое восхищение. Я тщательно скрывал свои мысли — да и что мне оставалось? К тому времени я уже стал профессионалом и ничего другого, за что платили бы деньги, делать не умел. Чтобы заглушить угрызения совести, старался чаще прислушиваться к мнению руководства, утверждавшего, что «так надо». А может, они и правы, говорил я себе, стараясь уходить от надоедливых мыслей. Не один же я был такой. Мы переставали верить в то, о чем говорили с экрана. Двусмысленность определяла всю нашу работу.

— Однако вы были очень популярным. Органично вели «Голубые огоньки», концерты. Вы были, конечно же, звездой. До самобичевания ли вам было в том состоянии? Ведь слава пьянит...

— Конечно, это напиток опасный. Некоторые из моих товарищей не смогли преодолеть «рубикон популярности». Мне это удалось. Я не позволил себе «утечь» в неверном направлении. Голова моя была

ясной. Я оставался солдатом и в основном, конечно, информатором. Был возведен в ранг Кремлевского диктора.

— Вам так верили...

— Во многом из-за моего профессионализма, а это ведь тоже дело чести. Взяться за работу и быть дилетантом — фи! А к тому же я сам ставлял себя верить в то, о чем говорю.

— Принимая на себя обязанности Кремлевского диктора, вы тем самым как бы давали присягу в верности, разве не так? А это значит — безоговорочное повиновение. Вы обязаны были оставаться всегда «в форме» и строго следовать тексту.

— Вот именно. Нас жестко цензурировали. Если, скажем, в речи генсека случайно заменишь «уже» на «уж», приходилось делать новый дубль. Однажды я разбил «тассовку» на короткие предложения и, чтобы оживить текст, вставил несколько слов «от себя». Моя редактура, слава Богу, руководством не была утверждена. А сообщить я должен был о том, что Брежнев собирается встречаться с Никсоном — шутка ли? Выяснилось, что над этим текстом три месяца трудились Международный отдел ЦК и дипкорпус...

— Но мы тем не менее помним одну вашу легендарную

ошибку, когда вы читали доклад Андропова. Что тогда случилось?

— Речь Андропова где-то в 10 часов утра пошла с телетайпа. Сначала, как водится, первый лист, второй. А когда пошел седьмой, телетайп сломался. Потом его починили. Но успели, однако, тем временем к экземпляру, с которого как раз сделали копию для меня, подколооть страничку из очень суровой статьи какого-то генерал-полковника. И вот читаю я текст речи, и вдруг начинаются слова совсем, совсем иные, где в угрожающих тонах говорится о силе и мощи Варшавского Договора. Правильные экземпляры были только у первого зампреда и главного редактора.

Я сделал два дубля в надежде на обычный строгий контроль за текстом. Однако на этот раз, увы, он, контроль, не сработал. Огорочить предостало непосредственно телезрителям.

Мне поставили на вид за формальное отношение к работе, можно сказать, легко еще отделался! Председатель и зампред получили выговор, а главного редактора сняли с работы.

— Что же из вчерашнего дня вы могли бы взять в сегодняшний?

— Оптимизм. Так или иначе мы оставались оптимистами. Пусть мы принесли себя в жертву — но, значит, жертва такая была неизбежна.

Главный судья человеку — он сам. И сегодня я ни о чем не жалею.

Е. АРБУЗОВА

Сегодня мы меняемся в — хотим того или не хотим. Идет переоценка ценностей. Наши былые победы вдруг оборачиваются поражениями. А главное, все мы делаем все новые открытия в себе, в близких, в своем деле.

— Какие открытия сделали для себя вы?

Таков мой первый вопрос к Игорю Леонидовичу, чей уютный свитер «взглядоской» вязки куда больше располагает к задумчивости, чем черный застойного пошива костюм-официоз.

— Точнее сказать, «делаю», поскольку этот процесс про-